

косичкой до полусмерти избил (не одна старалась, позвала для этого подружку) свою сверстницу, приревновав ее к юноше, с которым «гуляла». А эта — страшно сказать — убила человека. За что? За то, что она его, как уверяет, любила, а он на нее не обращал внимания. А эта, сама в пятнадцать лет опустившаяся на дно пьянства и разврата, заманила в подвал тринадцатилетнюю соседку для своих дружков.

— И им ты хочешь преподавать этику и психологию семейной жизни? — слышу разгневанный голос читателя. — Не смеши!

Господи, да что же они, эти девчонки-колонистки, знали о любви? Как ее себе представляли? Да ничего не знали. Почти у каждой из них все начиналось с того, что малознакомый парень, а то и взрослый мужчина клал ей руку на плечо и говорил: «Пойдем!» Шла из любопытства, из неумения сопротивляться, из-за одурманенности выпитым перед этим стаканом вина (не из бокалов же и не из рюмок пьют в подъездах!), из-за непонимания последствий...

У некоторых все-таки было чувство. Был парень, который нравился. А он настаивал — докажи, что любишь! И доказательство требовал — известно какое...

Первая близость не приносила ничего, кроме физической боли и разочарования. Но для нравственно невежественной души она не становилась уроком. Являлась мысль — девственности не вернуть, сохранять целомудрие уже бессмысленно... Может быть, в следующий раз будет лучше?

У иных в такой ситуации являлись минуты стыда, страха за будущее. Но тут как тут был глушитель всех сомнений — сигарета, алкоголь, наркотик...

Да, это было — только протяни руку. А человека, который мог помочь, остановить, вывести на другую дорогу, задуматься, — не было.

Виноваты эти девушки перед людьми, перед обществом? Виноваты. Ну, а мы перед ними?

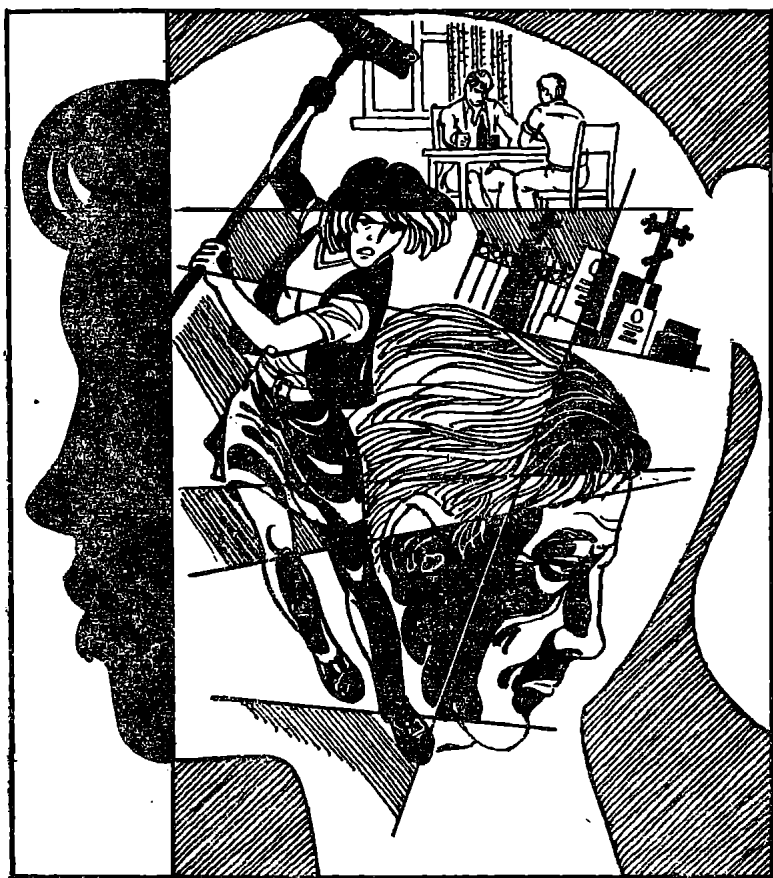
Я спрашивал у многих: с кем ты могла откровенно поговорить? К кому могла обратиться в трудную минуту за помощью? Как правило — ни с кем, ни к кому. Не нашлось «доверенного лица». Ни в семье. Ни среди учителей в школе. Ни среди преподавателей ПТУ. Ни среди соседей, почем зря честивших этих девчонок, но ни разу не задумавшихся, почему они такие.

Иногда приходилось слышать мнение: изначально порочны. С рождения. Хорошо, допустим, с рождения. Но ведь медики разъясняют нам, почему и как закладываются в организме те дефекты развития, которые могут дать почву для отклонений личности. Алкоголизм матерей, их нездоровый быт, их болезни. Значит, это мы не уберегли матерей, не поняли, что над их младенцами висит угроза, и значит, им особенно много надо внимания, тепла, участия, что рискованно им расти без пристального, не формального, не для «галочки», а настоящего медицинского и педагогического контроля...

Приступая к работе в колонии, я был далек от мысли, что мои уроки, как, впрочем, и вся воспитательная работа, способны преобразить эти изрядно исковерканные души и каждую из колонисток направить на стезю добродетели. И все-таки верил: какие-то зерна западут в душу...

1.

КОЛОНИЯ. ДЕВЧОНКИ...

После второго урока Оля вместе со своей подругой Леной, которую все в классе называли почему-то Белкой, убежала из школы. Спрятались в подъезде близлежащего дома, закурили. Ну, а что же дальше? Слоняться бесцельно по улицам не хотелось — решили пойти к Белке домой. Достали из бара бутылку дешевого вина, выпили. Слушали музыку, смотрели утренние передачи по телевизору.

— Скучно без пацанов, — сказала Белка. — Чем бы еще развлечься?

Вдруг что-то вспомнила, подскочила:

— Живем, Олька! Где-то на кухне самогон должен быть. Старики готовили для сантехников и водопроводчиков. Давай поищем?

Нашли, выпили. Почувствовали свинцовую тяжесть в голове. Белка дошла до кровати. Оля не удержалась на ногах, упала на кухне и уснула на полу.

Проснулись под вечер. Помятые, больные, передвигались по квартире, как в тумане. Белка, глянув на часы, перепугалась:

— Старики сейчас придут. Бежим!

Девятиклассницы кубарем скатились по ступенькам, вскочили в автобус, поехали в соседний микрорайон. Там встретили знакомых ребят, согласились на их предложение выпить. Уселись в уютной беседке на территории детского комбината. Егор — долговязый парень, который успел уже побывать в зоне и считал, что твердо стал на путь исправления, даже пепельницу «организовал», приспособив под окурки банку из-под консервов. Лена с Олей, выпив вина, повеселели. Особенно Белка. Она явнохватила лишку и вскоре уже не могла управлять собой. Один из ребят ощупал жадным взглядом ее стройную фигурку и зашептал что-то на ухо. Белка неестественно засмеялась. Юноша, обхватив ее за талию, повел куда-то. Возвратились минут через десять. По угнетенному виду подруги и самодовольной ухмылке парня Оля сразу поняла, что про-

изошло. Стало жутко. Хотелось испариться, исчезнуть, но Белка удержала.

— Останься. Теперь уже все равно. Нет в жизни счастья...

И пошли все вместе на дискотеку в парк. Оля была в школьной форме, потому идти на площадку постеснялась, взяла у Белки сигареты и устроилась на скамейке неподалеку. Не почувствовала, как задремала. Проснулась, ощутив на себе чьи-то липкие руки. Это Егор. Рвал с нее одежду. Девушка изо всех сил сопротивлялась, наконец вырвалась, ударила его по лицу.

— Дура, я же серьезно! — не отставал Егор. — Женюсь, веришь? Хотя завтра!

Егор снова попробовал взять ее силой. Оля, защищаясь, больно укусила его за руку. Юноша взвыл от боли. Со всего размаха ударил Олю кулаком в лицо. Девушка упала, потеряв сознание. Когда очнулась, Егора уже не было. Голова лежит на коленях у Белки. Подруга гладила рукой ее волосы, успокаивала. Вспомнив, что было, Оля поспешно ощупала себя руками и, убедившись, что Егор, кроме синяка под глазом, не оставил ей других «следов», облегченно вздохнула, встала со скамейки.

— Ладно, Лен, поехали отсюда. Только давай покурим сначала.

Сигарет у девушек не нашлось. Просить у прохожих стыдно. Легче, казалось, «взять» в киоске. Подошли, осмотрелись вокруг. Белка нашла камень, разбила стекло. Взяла с витрины полиэтиленовую новенькую сумку. Загрузила ее сигаретами. Оля прихватила зачем-то несколько детских игрушек.

Убегали, не оглядываясь. Лишь когда поняли, что никто за ними не гонится, остановились.

— Зачем тебе эти звереныши? — поинтересовалась Белка.

Оля вместо ответа лишь пожала плечами. Достала из сумки игрушки и выбросила их в песочницу.

Домой Оля возвратилась в два часа ночи. Без портфеля. В измятом школьном платье с двумя оторванными пуговицами. Отчим, ничего не спрашивая, с размаху ударил по лицу — теперь синяк появился и под левым глазом. Едва удерживаясь на ногах, Оля потухшим взглядом смотрела на отчима. Тот колебался, но бить больше не стал.

Его сменила мать. Назвала дочь «проституткой», «боссячкой», «падшей» и еще какими-то словами.

На рассвете в комнате родителей зазвенел будильник. Оля подхватилась, села на кровати. Зацепившись взглядом за школьные учебники на столе, едва поборолась в себе желание схватить их, изорвать, выбросить за окно. Потом нашла учебник по основам права, раскрыла его там, где писалось об уголовной ответственности за совершенные преступления. Глаз заплыл, читать было тяжело. Отшвырнув книгу, вышла на кухню. Мать сделала вид, будто не замечает ее. А отчим ходил по квартире притихший, будто виноватый в чем-то. На Олю не смотрел, общался только с женой.

Неожиданно кто-то позвонил в квартиру. Оля вздрогнула, тело будто током пронзило. Мать этого не заметила, крикнула:

— Открой же двери! Я не могу, видишь?

Оля пошла... Но повернула не к дверям, за которыми ждали, а к своей комнате. Выглянула в окно и увидела внизу около подъезда... милицейский «газик».

2

Для меня и шестнадцатилетней Ольги Водолажской¹ колония началась почти одновременно. С той лишь разницей, что она знакомилась со здешней жизнью сквозь оконную решетку небольшой камеры в карантине, я же мог открыть окно своей комнаты настежь.

— Ну что, Владимир Иванович, давайте знакомиться, — говорит начальник колонии Дина Владимировна Васильченко, пригласив меня в свой кабинет. — С вами. А потом познакомимся с колонией. И я заодно сделаю обзор в качестве начальника. У вас это будет первый рабочий день, а у меня — второй. Кстати, раньше я работала здесь воспитателем... Начнем с карантина? — предлагает Дина Владимировна, приближаясь к длинному приземистому зданию с решетками на засиженных мухами окнах. — Познакомимся с новенькими? Между прочим, одну из них — Ольгу Водолажскую — распределили в шестое отделение. В то, с которым вам предстоит работать.

Идем мрачным коридором. Днем и ночью здесь тусклый свет электролампочек. Останавливаемся возле камеры девушек, которые прибыли накануне. Контролер наклоняется, заглядывает в «глазок», гремит тяжелыми засовами, — заходит. Кровати в два яруса. Небольшое зарешеченное окно. Посредине камеры стол, деревянные табурет-

¹ Это и другие имена воспитанниц колонии изменены.

ки. Девушки вскакивают, старшая по камере докладывает. Васильченко разрешает садиться. Занимаем места за столом. Всматриваюсь в лица осужденных, прислушиваюсь к вопросам, которые ставит Дина Владимировна, размышляю над услышанными ответами.

Вот Наталка Жужа. Одесситка. Осуждена по статье 142. Угрожая ножом, сняла часы с руки своей пятнадцатилетней ровесницы. Среди белого дня. На автобусной остановке в центре города. Приговор — три года лишения свободы. Наталка считает, что наказана слишком строго.

— Я только пошутить хотела, — говорит, оправдываясь.

— Хорошие шутки — с ножом...

Жужа смотрит исподлобья:

— Нож просто так взяла, я не угрожала.

— Играла, — подсказывает Васильченко.

Осужденная опускает глаза. Молчит.

— Допустим, ножом играла, — продолжила Дина Владимировна. — Но ведь часы у потерпевшей сняла?

Осужденная молчит. Потом взрывается:

— Ну, сняла, сняла! Все равно — та телка целая и невредимая. На свободе нежится, а мне тут три года нары полировать.

— А вот жаргон ты, пожалуйста, оставь, — говорит строго Васильченко. — Задумайся лучше о другом: как дальше жить будешь? А ту девочку, которую ограбила, не трогай. Не нужно ей завидовать. Она, может, теперь по улицам с оглядкой ходит, ночью спать не может спокойно.

Начальник колонии переводит взгляд на пятнадцатилетнюю Любу Борисову, которая осуждена к девяти годам. Та молчит. Напрасно теряем время и надеемся услышать от нее хотя бы слово. Впрочем, я уже немного знаю ее историю. Люба в отсутствие родителей пригласила домой приятелей. Пила с ними вино, танцевала. На просьбу парализованной и прикованной к постели бабушки прекратить пьяную оргию она подняла швабру, замахнулась, ударила и потом уже била до тех пор, пока она и помогавшие ей приятели не убедились в том, что бабушка мертва.

Люба молчит. Мохова, которая сидит рядом, тоже не из разговорчивых. Кратко информирует, что осуждена к трем с половиной годам за хранение и употребление наркотиков. Гаенко осуждена за квартирную кражу.

— Чью квартиру ты обворовала? — спрашивает Дина Владимировна.

— Одноклассницы.

- О чем думала, когда совершала преступление?
- Ни о чем. Бабки были нужны.
- Зачем?
- Да на разное.
- Разное — это что, наркотики?
- В общем-то да.

Начальник колонии расспрашивает о семье. И я снова, в который раз, убеждаюсь, что у истоков беды стоит семейное неблагополучие. Это наша общая большая боль — вот такие подростки, изолированные в воспитательно-трудовых колониях. Наша общая беда, коллективная ошибка, просчет. Много в чем не выполнила своей изначальной роли семья, где-то дала сбой школьная педагогика, подставила подножку «улица». Подростки за высокой каменной стеной — упрек всем нам: родителям, учителям, академикам...

Переходим в соседнюю камеру. Обстановка та же, и девушки в таких же серых халатах. В углу замечаю полку с книгами и журналами.

- Читаете?
- А что — здесь есть что читать?

Я присматриваюсь к содержимому полки и понимаю, что заключенная права: читать здесь действительно нечего. Васильченко, перехватывая мой взгляд, говорит:

— Я, Владимир Иванович, поняла вас. В скором будущем мы эти недоработки старого руководства исправим.

Начальник колонии ставит перед осужденными те же самые вопросы: о семье, причинах, которые привели к преступлению. И вдруг:

— Вы готовитесь перейти в зону, что вас особенно волнует в связи с этим?

— Ваш актив. Говорят, активисты больше воспитателей стараются! — выпаливает Клименко.

— А знаешь ли ты, Нина, — сдержанно спрашивает Васильченко, — о тех преимуществах, которые имеют активисты? О видах на досрочное освобождение, допустим? Внеочередных свиданиях?..

— Так что, из-за этого «мусоршей» становиться?

— Да-а, видимо, этот наш разговор преждевременный, — не обращая внимания на резкость осужденной, сожалеет Дина Владимировна. И предлагает: — Давай отложим и вернемся к нему через месяц. Ты поживешь — на нас посмотришь, мы — на тебя.

— Смеетесь? — по-детски надув губы, отвечает Нина. —

Чужие лапти мне примеряете? Только не пойду я против народа, не пойду! Сдохну лучше!

— Почему же против народа? — принимает вызов Васильченко. — Таких, кто не поддерживает актив, у нас единицы. Сама убедисься.

— Посмо-о-отрим, — не желая уступать, тянет осужденная.

3

С нетерпением жду встречи с Водолажской. И вот наконец — светловолосая, высокая, стройная, с коротко стриженными волосами, искренней улыбкой, словом, прямая противоположность той, которую я себе представлял. Она рассказывает о последнем дне перед преступлением. Вспоминает и бессонную ночь в ожидании ареста, следствие. Совсем не поддерживает разговор о родителях. А когда воспоминания возвращают ее к приговору, губы начинают предательски дрожать.

— Разве ж так честно? Мы на десятку взяли, а киоскер насчитала 120.

Я обескуражен ее наивностью. Но для Васильченко это будни.

— Разве не все равно, сколько украдено? — выговаривает строго. — Неужели не знала, что всякая кража — преступление?

— Представьте себе — не знала, — обозленно отвечает Ольга. — А попробуй разберись: один куртку из школьной раздевалки потянул, другой шапку с прохожего снял, третий еще чего натворил — они осуждены условно, с отсрочкой, мне же два года колонии — за что?

Осужденная наконец выговорилась, умолкла. Я спросил:

— Ты говоришь, не знала, что совершаешь преступление? Ну, а как же школьные уроки права?

— Ой, не надо про школу... — Водолажская растягивает тонкие губы в жалкую улыбку. — И вообще, и школу, и учителей я даже вспоминать не хочу — противно...

Из бесед с начальником колонии мне уже известно о стремлении осужденных всячески умалить содеянное, найти оправдывающие собственное падение причины. Пытаюсь заглянуть в глаза собеседнице, но... не удается.

В колонии еще много раз я буду слышать подобное Ольгиному объяснение собственной инфантильности. У подростка 13—15 лет нередко возникает чувство, что ок-

ружающие взрослые его не понимают, следовательно, несправедливы к нему.

Я перевожу разговор на другую тему.

— Скажи, а где сейчас твоя подельщица Белка?

Ольга задумчиво уставилась куда-то в пространство, словно желая согреть застывшее лицо теплым светом, проникающим в камеру через зарешеченное окно.

— На «даче» задержалась, где же еще.

— На даче?! На какой?..

— Ну, это мы так вендиспансер между собой называем...

После знакомства с Ольгой чувствую себя уставшим и морально опустошенным. Разобраться в природе преступления, совершенного хотя бы вот этой шестнадцатилетней девушкой, непросто. Еще сложнее — помочь ей осознать, что жила не так. Перед тем как отправиться в воспитательскую, я задал Водолажской еще два вопроса.

— Оля, ты была на учете в милиции?

Опускает глаза: значит, была.

— Я знаю из дела, что ты задержана в состоянии алкогольного опьянения. Скажи, почему ты пила?

Пожимает плечами.

— Вспомни, как это произошло в первый раз. Без отворачивания взялась за стакан?

— Откуда ему взяться, отворачиванию? — иронично усмехается. — Все вокруг пили.

— А что, родители на это никак не реагировали?

— Откуда б они узнали?

— Ну а как же. Приходишь с запахом, да наверняка еще и курила.

— Ну и что — они тоже... с запахом...

Тут нашу беседу прерывает начальник колонии, и я понимаю, что увлекся.

4

Первый мой урок неожиданно затянулся, за что позже долго пришлось краснеть перед директором школы Фаиной Семеновной Шершер.

Когда я переступил порог Х «А», воспитанницы дружно встали.

Первые дни сентября. Еще жарко. Выигрывая время, снимаю пиджак, вешаю на спинку стула. Вижу, приближается одна из воспитанниц. Останавливается в двух шагах.